

72.3(2Рос.Хак)
К-29

**Н.Ф.Катанов и гуманитарные науки
на рубеже веков:
очерки истории
российской
тюркологии**

72.3(2Рос.Х2К)
К-29

КАЗАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ХАКАССКИЙ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ ЯЗЫКА,
ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОРИИ
ИНСТИТУТ ПЕДАГОГИКИ И ПСИХОЛОГИИ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РАО
ИНСТИТУТ ЯЗЫКА, ЛИТЕРАТУРЫ И ИСКУССТВА им. Г.ИБРАГИМОВА
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ, УПРАВЛЕНИЯ И ПРАВА
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ ЗНАНИЙ
ТАТАРСТАНСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ
МЕЖДУНАРОДНОЙ ТЮРКСКОЙ АКАДЕМИИ
ОБЩЕСТВО ВОСТОКОВЕДОВ РЕСПУБЛИКИ ТАТАРСТАН

**Н. Ф. КАТАНОВ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ:
ОЧЕРКИ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ
ТЮРКОЛОГИИ**

ГУК РХ "Национальная
библиотека
им. Н.Г. Доможакова"

КАЗАНЬ-АБАКАН
2008—2009

сөяльнамә, *рапорт, договор* — гаһеднамә, *справка* — белешмә, *заявление* — гариза, *протокол* — беркетмә, *объявление* — игълан, белдеру и др). Например, для протоколов характерно частое употребление глаголов изъявительного наклонения прошедшего времени.

Во второй половине XIX — начале XX вв. выполняет, как и остальные стили, широкую функцию и имеет ряд разновидностей эпистолярный стиль. В этом стиле отражается сугубо-индивидуальная манера автора и наблюдается тесное сочетание элементов народно-разговорной речи с традиционными письменными формами, свойственными той или иной эпохе. Это явление в некоторой степени открывает путь к вольному, свободному стилю. Однако по жанровым и стилевым признакам эпистолярный стиль сохраняет свое единство и цельность.

В отличие от официально-канцелярских документов в письмах отводится значительное место эмоционально-экспрессивным средствам и художественно-образительным приемам: тропам (метафорам, эпитетам, сравнениям, метонимиям и др.), стилистическим фигурам (повторениям, инверсиям, риторическим восклицаниям, градациям, гиперболам и т. д.). В эпистолярный стиль иногда вкрапливаются также языково-стилистические средства сатиры и юмора, фразеологические выражения и другие устойчивые сочетания слов. Эпистолярный стиль тесно переплетается с другими стилями, особенно со стилем художественной литературы.

§16. Тюркская рунология на рубеже XX—XXI вв.

И.Л. Кызласов

1. Возникновение и развитие тюркской рунологии в XVIII—XX вв.

В августе 1721 г. представители европейской науки, впервые вступив на земли хакасов, лишь за три года до этого присоединенные к России, сделали удивительное открытие. Они встретили в глубинах Сибири то, что менее всего готовы были там встретить. В долине хакасской речки Уйбат им открылись не дикие и неосвоенные, как думалось, земли, а страна древней цивилизации. С открытием памятников монументальной письменности стало ясно, что то была страна высокой цивилизации.

Сегодня установлено, что эта цивилизация непрерывно существовала на Саяно-Алтайском нагорье многие столетия: известные памятники енисейского письма создавались, по

крайней мере, в течение шести-семи веков — с VIII и по конец XIII — начало XV вв¹.

Целое столетие после открытия Д. Г. Мессершмидта ученый мир знал и пытался постичь загадочные древние письмены только на землях Хакасии. Лишь в 1818 г., благодаря Г. И. Спасскому, стало известно о существовании таких же надписей на скалах по р. Чарышу на Алтае. Через 158 лет, в 1879 г., Г. Н. Потанин обнаружил первый памятник руноподобного письма в Туве. И лишь еще десять лет спустя, в 1889 г., в результате сделанных Н.М. Ядринцевым находок в Монголии, научный поиск вышел за пределы Саяно-Алтайского нагорья.

Поскольку на протяжении XVIII и XIX вв. исследования древних сибирских письмен проходили в долинах Енисея, эта письменность и получила название енисейского рунического письма.

Письменность была названа *рунической* поначалу ввиду казавшегося сходства с европейскими германскими рунами. Сходство не подтвердилось, название же прижилось в науке, хотя условность его ясна для ученых. Утверждению наименования *енисейское* во многом способствовала сводная публикация надписей, изученных в Хакасии и Туве экспедицией И. Р. Аспелина, изданная в 1889 г. под названием «Inscriptions de l'Ïynisse?...», то есть «Енисейские надписи». После издания в 1892 г. второго альбома «Inscriptions de l'Orkhon...», посвященного надписям Монголии, распространилось название *орхонские надписи*². Вслед за этим азиатские рунические письмены нередко

---

¹ См.: Кызласов Л.Р., Кызласов И.Л. Новый этап развития енисейской письменности (конец XIII — начало XV в.) // Российская археология. — 1994. — №1.

² Утверждение, что «из русских любознательных людей первые сведения о памятниках рунической письменности сообщил служивый человек Ремезов» (Малов С.Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951. — С. 11), стало общим местом историографических разделов легкой руки А. Н. Бернштама (См.: Бернштам А.Н. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI—VIII веков. Восточно-тюркский каганат и кыргызы. — М.-Л., 1946. — С. 11-12). Это пример неосознанного переноса современной специальной терминологии на не знавшую ее минувшую эпоху. Такой перенос, по сути, допускается даже исследователями, отрицающими подобное толкование записи на карте, «так как оно предполагает, что Ремезову уже были известны рунические памятники на р. Орхон» (Кононов А.Н. История изучения тюркских языков в России. — М., 1972. — С. 33. прим. 124). Отметка «Камень Орхон. летом снег», указующая на горы в верховьях р. Таласа на карте С.У.

стали обобщенно именовать *орхоно-енисейской письменностью*. Географические определения в названиях были введены потому, что наука в течение долгих 172 лет не в силах была узнать, какие народы и на каких языках оставили нам эти камнеписные тексты.

Счастливая находка Н.М. Ядринцевым двух крупных высеченных на стелах надписей, созданных одновременно руническими письменами и китайскими иероглифами, дала науке возможность определить тюркоязычность загадочных письмен. В 1890 г., а затем и в 1891 г. эти стелы были изучены и скопированы финской и русской экспедициями³, а изданные в 1892 г. их точные воспроизведения позволили датскому профессору В. Томсену уже к концу 1893 г. раскрыть тайну столь долго молчавших написаний. Узнав значения букв, также много сделавший для их дешифровки В. В. Радлов сумел в течение двух месяцев прочесть один из этих огромных текстов, насчитывавший более 4 тысяч знаков (ныне всемирно знаменитый, он оказался посвященным тюркскому витязю Кюль-тегину). Через два года, в 1895 г., российский академик предоставил науке прочтения и переводы всех известных к тому времени древнетюркских рунических надписей⁴. Так победоносно закончился для нашей отрасли науки XIX в.

История открытия руноподобных письмен в самой Европе к этому времени не была богата событиями. Начинать ее также следует с XVIII в., который завершился открытием в 1799 г. у деревни Святого Николая (Надь-Сент-Миклош) клада, на сосудах которого оказались резные знаки неведомого письма. Лишь через сто лет, в 1899 г., Д.М. Струковым были найдены надписи на камнях Маяцкого городища на Дону. Незадолго до этого (1896 г.) были открыты рунические надписи на р. Талас в Средней Азии.

Ремезова «Чертеж земли всей безводной и малопроездной каменной степи» (1697 г.), давно и точно расценена М.Е. Массоном как «совпадение созвучных (с названием р. Орхона — И.К.) географических терминов» (Массон М.Е. К истории открытия древнетурецких рунических надписей в Средней Азии // Материалы Узкомстариса. Вып. 6—7. — М.-Л., 1936. — С. 7. Прим. 2).

³ Inscriptions de l'Orkhon recueillies par l'expédition finnoise 1890 et publiées par la Société Finno-Ougrienne. Helsingfors. 1892; Сборник трудов Орхонской экспедиции. Вып. I—IV. — СПб. 1892—1897.

⁴ Radloff W. Die alttürkischen Inschriften der Mongolei, Lfg 1—3. — SPb., 1894—1895.

В течение целого последующего столетия степные руны Восточной Европы и Средней Азии изучались как вариант уже расшифрованного к моменту их обнаружения рунического орхонского письма Центральной Азии и енисейского письма Южной Сибири.

Именно по ассоциации с древнетюркскими азиатскими руническими надписями название рунических было распространено и на написания Европы и Средней Азии. В этом, без сомнения, отразилась уверенность исследователей в тюркоязычности резных надписей, обнаруженных к западу от Южной Сибири и Центральной Азии. На протяжении всего XX в. рунические надписи Венгрии и Болгарии, Румынии и Европейской России, Северного Кавказа и Средней Азии ученые пытались прочесть по-тюркски, основываясь на звуковом значении орхонского и енисейского алфавитов или вариантах понимания начертаний надъсентмиклошского клада. Неудачи следовали за неудачами.

Причина крылась в совершенно различном происхождении тех письменных систем, которые воспринимались как родственные. Подробный палеографический разбор, произведенный в конце минувшего века, показал, что ныне на территории степной Евразии известны три самостоятельные группы алфавитов, традиционно и условно называемых руническими: I. Тисский (надъсентмиклошский) алфавит, стоящий обособленно; II. Евроазиатская группа письмен (донской, кубанский, ачикташский, исфаринский и южноенисейский алфавиты); III. Азиатская группа азбук (енисейский, орхонский и таласский алфавиты). У каждой из этих групп свои, а не общие корни, поэтому нет оснований привлекать знаки одной из них для прочтения надписей другой или третьей. Надписи Евроазиатской группы алфавитов (II) и тисское письмо (I) следует признать недешифрованными. Осознание ситуации порождает новые подходы к изучению этих надписей и алфавитов. Их развитие и следует считать главным направлением европейского ответвления рунологии в XXI в.

Поскольку тюркоязычность всех непрочитанных надписей не доказана, рассмотрение их в рамках тюркской рунологии условно. Однако, если исходить из данных иных дисциплин, связь ныне известных надписей с тюркскими народами кажется вполне вероятной. Опорой для этого служат разработки в области археологического датирования и культурного размежевания древностей, соотнесенные со свидетельствами политической истории раннего Средневековья. Сегодня можно, пожалуй, уверенно говорить лишь о тюркоязычности двух новоявленных

рунических алфавитов – южноенисейского и кубанского. Первый был распространен на Саяно-Алтайском нагорье в VIII–X вв. и представлен находками, сделанными в погребениях тюрок-тугю (тырк) или среди их наскальных рисунков⁵. Вторым известен в памятниках Северного Кавказа и Поволжья, начиная от рубежа VIII и IX вв. и кончая границей XI и XII вв. На позднем этапе кубанские надписи, без сомнения присущи культуре Волжской Булгарии⁶.

В XX в. основное развитие нашей науки по-прежнему шло в области изучения енисейской и орхонской письменностей.

Подлинники рунических надписей находятся в основном в России (Саяно-Алтай), Монголии и Китае (провинция Синьцзян). Вклад в их исследования, основанный на изучении оригиналов, более всего вносит российское востоковедение. Как мы знаем, В.В. Радлов был учителем первого хакасского ученого Н.Ф. Катанова. Исследование рунических надписей в нашей стране продолжил ученик Н.Ф. Катанова С.Е. Малов. Профессор Л.Р. Кызласов в 1955–1960 гг. не только впервые сумел определить время создания енисейских надписей в целом, но и каждой из них в отдельности, создал учение о связанных с текстами тамгах⁷. Тем самым были заложены верное историческое понимание древних енисейских текстов и основы рунической палеографии.

XX в. начался для рунологии с новых крупных открытий. Однако они относились не к величественным каменным стелам и потому долго не привлекали должного внимания исследователей. Речь идет об обнаружении в 1905 г. и 1908 г. экспедициями А. фон Лекока и Отани Сесин в руинах долины р. Тойок (Турфанский оазис Восточного Туркестана) двух малых обрывков бумаги. Чудом сохранившиеся в веках, они содержали записи рунической азбуки, оставленные тысячелетие назад обучавшимися ей людьми⁸.

⁵ См.: Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – С.217–221, 289–318.

⁶ См.: Кызласов И.Л. Руническая эпиграфика волжских болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // Татарская археология. – 2000. – №1–2.

⁷ Кызласов Л.Р. Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1960. – №3; Он же. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. – 1965. – №3.

⁸ См.: Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. – М., 1994. – С. 106–109, рис. 10, 11; Кызласов И.Л. Калям на Енисее. Чернильная руническая надпись из Хакасии // Татарская археология. – 1998. – №2. – С. 77. рис.2, 3.

Трудами археологов и краеведов в Сибири и Монголии были обнаружены и изучены многие новые рунические надписи. Если Д.Г. Мессершмидту были известны три енисейские надписи, В.В. Радлову — 45, то к началу 1980-х гг. в бассейне Енисея было учтено 135 письменных памятников⁹. Ныне по Южной Сибири надписей, выполненных енисейским руническим письмом, известно уже около 300. В Монголии открыты новые величественные стелы с орхонскими письменами (прежде всего, относящиеся к Уйгурскому каганату, от середины VIII до середины IX в.¹⁰), и многие наскальные надписи того же енисейского письма. Установлено бывшее распространение енисейской письменности от Иртыша в Казахстане до Лены в Восточной Сибири.

Продолжена заложенная В.В. Радловым отечественная традиция изучения филологами подлинников рунических надписей на месте их обнаружения или в музейных коллекциях (С.Е. Малов, И.А. Батманов, А.М. Щербак, Д.М. Насилов, А.С. Аманжолов, И.В. Кормушин, К. Сейдакматов, В.М. Наделяев). Задача специального собирания памятников рунического письма и их сохранения, разрешаемая в XIX в. более всего усилиями Минусинского музея, ныне достойно продолжена иными сибирскими музеями (прежде всего Кызыльским).

Специальные издания, представляющие все типы известных письменных памятников или сборники надписей, выполненных одной системой рунического письма¹¹, сменились сначала попыт-

---

⁹ *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983. Часть опубликованных в этой книге материалов не является надписями, а представляет резы, части изображений и знаки, не имеющие отношения к письменности: Е 74, Е 86, Е 88-Е 90, Е 99, Е 103, Е 105, Е 107, Е 119, возможно, также — Е 91, Е 95. Надписи, включенные в атлас под индексами Е 83, Е 87, Е 133, Е 141 и Е 142, выполнены не енисейским, а южноенисейским письмом. — *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 10, 299-306; Ю 5, Ю 6, Ю 8, Ю 9.

¹⁰ *Кляшторный С.Г.* Терхинская надпись // Советская тюркология. — 1980. — №3; Он же. Надпись уйгурского Бегю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия. Новые памятники письменности и искусства. — М., 1987.

¹¹ См.: Малов С. Е. Памятники древнетюркской письменности. — М.-Л., 1951; Он же. Енисейская письменность тюрков. — М.-Л., 1952; Он же. Памятники древнетюркской письменности Монголии и Киргизии. — М.-Л., 1959.

кой создать своды надписей, построенных по географическому принципу¹², а затем работами, группирующими надписи по жанрам в пределах определенной рунической письменности¹³. Автором этих строк собран материал для сводов надписей на предметах и на скалах всех территорий Саяно-Алтайского нагорья¹⁴.

Вся эта многотрудная и весьма успешная работа по сути своей и подходам вполне сравнима с собирательской рунологической деятельностью XIX в. Главные достижения, которые способны обеспечить очередной прорыв к новому знанию, приходится, на наш взгляд, как и в прошлом, на последнее десятилетие минувшего века.

2. Тюркская рунология как самостоятельная дисциплина

Лишь в последние десять лет было до конца осознано, что *тюркская рунология* — не филология, а особая отрасль науки, более всего принадлежащая эпиграфике (изучающей надписи на твердых материалах), в меньшей степени — к археографии (исследующей рукописи). У этой науки, которую точно следовало бы именовать *рунической эпиграфикой*, свой предмет изучения. И это не письменный язык, не словесный текст, а сама надпись, ее облик: от техники нанесения и формы знаков до места и особенностей размещения.

У тюркской рунологии и свои методы исследования. Они, прежде всего, направлены на достоверное, точное восприятие и воспроизведение старинных текстов, измененных воздействием времени и людей. Эти методы совершенно незнакомы языковедам, а более присущи археологам, в особенности тем, кто изучает древние изображения. Такая работа требует умения на камне или металле, терракоте или штукатурке, кости или дереве отличать намеренные рукотворные борозды и углубления от естественных и случайных повреждений, равно как и не смешивать первоначальные резы или выбоины с более поздними, не относящимися к самой надписи. Необходимо также проследить форму применявшегося при письме инструмента и последовательность

---

¹² *Васильев Д.Д.* Корпус тюркских рунических памятников бассейна Енисея. — Л., 1983.

¹³ *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследование. — М., 1997.

¹⁴ *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). — М., 2003.

вычерчивания каждого знака: начало и направление образующих его борозд, их очередность.

Филологи получают для исследования лишь результат работы эпиграфиста. И поэтому руническая эпиграфика — вспомогательная дисциплина. Но только она одна в состоянии предоставить языковедам твердую почву для исследований. Чтобы ясно показать расхождения тюркской рунологии и тюркского языкознания перечислю основные этапы исследования древнего письменного памятника¹⁵.

Начну с того, что филологи сами не добывают рунические источники, надписи отыскивает археолог или краевед. Минует этот этап (также требующий специальных знаний и навыков), тюркологи-филологи в результате не только оставляют вне внимания, а, значит, и вне науки, надписи, сохранившиеся на месте создания (на скалах, курганах и стелах, а число этих надписей огромно, их большинство), но и, приходя в музеи или пользуясь готовыми копиями, при чтении текста сплошь и рядом вообще не учитывают условий его первоначального расположения. Не подозревая даже, что это закономерно влечет за собою неверное прочтение или толкование.

Поэтому история изучения рунических памятников знает курьезные примеры прочтения подлинно крупными учеными, такими, как С. Е. Малов, вырезанных на скале строк, например, в качестве надмогильной надписи («Эпитафия на скале, около д. Сулек», Е 39)¹⁶. Или, уже в наши дни, — средневековой надписи на камне кургана раннего железного века как надгробного текста (Усть-Сос, Е 134)¹⁷. Подобные ошибки присущи и историкам, нередко вслед за филологами считающим любые енисейские надписи по преимуществу эпитафийными (Беле)¹⁸.

---

¹⁵ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 168–180.

¹⁶ *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. — М.-Л., 1952. — С. 68, 69.

¹⁷ *Кормушин И.В.* Тюркская руническая надпись Е-134 из с. Усть-Сос, Хакасия // Ежегодник Института саяно-алтайской тюркологии. Вып. I. — Абакан, 1997.

¹⁸ Эта методическая ошибка была преодолена сибирской археологией в пору своего становления, когда в 1895 г. А. В. Адрианов провел в Хакасии раскопки курганов Кара курган и Узун оба (IV–III вв. до н.э.), имевших на камнях средневековые надписи. — Адрианов А. В. Выборки из дневников курганных раскопок в Минусинском крае. — Минусинск, 1902–1924. — С. 55, 56. Кляшторный С.Г. Об одной новой находке енисейской руники // *Altica*, IV. — М., 2000.

Рунические надписи составляют собственный и очень разнообразный мир. Читать любую из них обособленно, саму по себе, без учета той части этого мира, куда она входит, — серьезная методическая ошибка.

Специальные поисковые работы, проведенные Хакасской археологической экспедицией в 1994–2001 гг. в Хакасии, на Алтае и в Туве, позволили впервые отметить весьма важное обстоятельство — различие условий, в которых наносились на скалы енисейские рунические надписи Южной Сибири. В этом отношении Тува оказалась подобна Хакасии (обычно тексты размещены на выходах камня, возвышающихся над подошвой горы), а Алтай — отличен от них (надписи наиболее часто вырезались у основания скал, у самой травы). Монголия же знает оба типа размещения надписей: один из них аналогичен Алтаю, другой — Хакасии. За этим стоят различия или сходства в мировоззрении средневекового населения, чего нельзя не учитывать, занимаясь прочтением камнеписных текстов.

Продолжая тему, следует сказать, что для археолога и эпиграфиста немислимо отторжение текста от назначения изделия, наделенного надписью, что нередко происходит у филолога: возьмем предлагавшиеся прочтения надписей на монетах¹⁹ и сосудах — например, из Копенского чаатаса, E81 и E82²⁰. Недопустимо и игнорирование иных обязательных компонентов письменного памятника (скажем, фамильно-личных гербовых знаков-тамг, отличавших аристократов-мужчин)²¹. Совершенно невероятно поэтому прочтение тюркологом И. В. Кормушиным двух наделенных тамгами енисейских эпитафий как женских: Барык II (E6) и Чаа-Холь VIII (E20)²².

---

¹⁹ *Аманжолов А.С.* Две енисейские рунические надписи // Ученые записки Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Вып. XIX. — Абакан, 1974.

²⁰ *Боровков А.К.* Енисейские надписи на сосудах // Тюркологические исследования. — М.-Л., 1963. — С. 194–196.

²¹ *Кызласов Л.Р.* Новая датировка памятников енисейской письменности // Советская археология. — 1960. — №3; Он же. О датировке памятников енисейской письменности // Советская археология. — 1965. — №3.

²² *Кормушин И.В.* Текстологические разыскания в области енисейской руники. К вопросу о женских поминальных надписях // *Turcologica*. К 80-ти летию академика А.Н. Кононова. — М., 1986; Он же. Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. — М., 1997. — С. 187–189, 205–207.

Приведем и другой пример недопонимания филологом назначения вырезанных на эпитафиях личных тамг. Указывая на определенное умершего (и, в силу геральдической традиции, на семейную мужскую линию, к которой он принадлежал), тамга не обязательно связана с языковыми особенностями текста, характеризующего резчика, создавшего саму эпитафию. Анализ палеографии таких надписей показывает, что автор поминального текста и умерший иногда принадлежали к другому народу²³. Столь привлекательный на первый взгляд путь поиска «общих языковых признаков, которые могут быть выявлены в группах надписей с одинаковой тамгой»²⁴, на деле оказывается совершенно неоправданным до предварительного и тщательного разделения эпитафий енисейского письма по обрядовым, композиционным, палеографическим и прочим разновидностям, весьма точно отражавшим бывшее культурное, а через него и этническое и, уже в связи с ним, наконец, языковое различие раннесредневекового населения Южной Сибири. Такую работу возможно и необходимо выполнить, однако она не относится к области языкознания и недоступна специалистам-филологам.

Существование уже на первом исследовательском этапе таких серьезных расхождений — самой ситуации, когда филолог может даже не обратить внимания на то, что никак не может обойти в работе археолог и эпиграфист — указывает на объективно присущие им различные сферы научной деятельности.

Второй этап в исследовании письменного памятника полностью принадлежит к области эпиграфики. Это то самое установление первоначального, достоверного облика надписи, ее буквенного состава, о котором уже шла речь. Огрехи на этой стадии изучения и копирования текста, нередко допускаемые людьми, не знакомыми с названными выше процедурами, — наиболее частая причина неверного прочтения древних надписей. Повторюсь: филология не готовит исследователей к этой важнейшей процедуре постижения письменного памятника. Опыт показывает, что человек начинает вполне квалифицированно копировать наскальные рисунки и древние надписи примерно через три года целенаправленной работы с ними.

---

²³ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 96, 97.

²⁴ *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. — М., 1997. — С. 7.

Вот почему даже маститые тюркологи, заслуги которых перед наукой неоспоримы и почитаемы, поставив перед собою задачу ознакомления с подлинниками и с полной ответственностью изучавшие их в музейных собраниях или на природе, сплошь и рядом не в состоянии предложить точного воспроизведения камнеписного текста. Ограничусь вполне показательным примером: прорисовки многих рунических памятников, выполненные финскими археологами в эпоху, еще незнакомую с прочтением рунического письма²⁵, и сегодня остаются непревзойденными нашими современниками, искушенными знаниями языков, литературы вопроса и новых методов копирования, но не обладающими необходимыми специальными знаниями и навыками эпиграфиста.

Можно даже сказать, что у тюркской филологии, занимающейся руническими надписями, и у собственно рунологии разные источники исследования. Вопреки внимательному XIX в., до дешифровки и сразу после нее тщательно собиравшему все встречаемые учеными рунические надписи, языковеды XX в. отошли от традиции В. В. Радлова и сосредоточили свое внимание прежде всего на текстах орхонских эпитафий. Даже надгробные енисейские стелы привлекали значительно меньше внимания. И уж совершенно в тени «царских» стел Монголии остались краткие начертания, некогда нанесенные на скалы, отдельные камни и предметы. Такую ситуацию легко понять. Разбирать малые тексты особенно трудно, а языковый материал в них совсем невелик: с точки зрения филолога этот труд не оправдан. Зато археолог и эпиграфист никак не могут оставить вне внимания даже отдельно начертанный письменный знак — сфера их исследований покрывает все области бытования письменности в древних обществах.

Признавая вместе со всеми правоту слов С.Е. Малова: «Самые трудные надписи для истолкования — это краткие надписи»²⁶, — нельзя, однако, не задуматься о причинах такого положения. С одной стороны, сложности здесь вполне объективны и вызваны особенностями рунической орфографии: не так-то легко фактически вне контекста определить пропускавшуюся на руническом

---

²⁵ *Inscriptions de l'énisséï recueillies et publiées par la Société Finlandaise d'archéologie.* — Helsingfors, 1889.

²⁶ *Малов С.Е.* Енисейская письменность тюрков. — М.-Л., 1952. — С. 15.

письме огласовку слов. Однако еще в большей мере эти сложности порождены недопониманием филологами причин, заставлявших людей средневековья браться за резец или зубило для нанесения лаконичных надписей на скалы, предметы или камни. Отсюда почти полное неведение хотя бы теоретически возможных пределов содержания кратких надписей. В этом, думается, заключена главная причина систематических неудач.

Исследователи, подчас неосознанно, руководствовались современными обыденными представлениями о том, что древний текст мог появиться на скале или камне от праздности, затянувшегося досуга или минутного побуждения его автора. Нет ничего более ошибочного. Создание любой надписи на вечном природном объекте в те времена было осознанным ритуальным действием. Еще более ограничена тематика надписей, наносимых на предметы.

Знаменитый критерий истины, заключенный в проверке наблюдений практикой, по вполне объективным причинам таит в тюркской рунологии совершенно реальную, но по большей части не осознаваемую филологами опасность. Она рождается из соединения двух присущих объекту исследования начал: с одной стороны, пропуска на руническом письме большинства гласных, с другой — односложности большого числа слов в тюркских языках. В силу этих объективных особенностей практически любой набор резов может быть при желании так или иначе «прочитан» по-тюркски.

В таких условиях оценка достоверности прочтений возникает только при учете контекста рунической надписи, которым, говоря в широком, но строгом смысле, служат и условия ее нанесения (скалы, стелы, предметы и т.п.) и причины создания, определяющие возможный смысл. Особенно значимо здесь отыскать смысловые аналогии в несомненных по прочтению рунических надписях той же категории.

Говоря о невнимании филологов к кратким текстам, следует назвать и иную его причину, опровергаемую ныне рунической эпиграфикой. Это убежденность языковедов в культурной неразвитости стран и людей, оставивших енисейские рунические надписи. Она стала уже общим местом, якобы не требующим доказательств: «Центром и исходным пунктом древнетюркской руники, как известно, является территория современной Монголии»²⁷. Наиболее ясно, со свойственной для высоких ученых

²⁷ *Кормушин И.В.* Тюркские енисейские эпитафии. Тексты и исследования. — М., 1997. — С. 4.

аналитической откровенностью, эта убежденность выражена, пожалуй, двумя крупнейшими тюркологами современности — в Великобритании сэром Дж. Клосоном, в России — А. М. Щербакком. У первого автора речь идет о енисейских эпитафиях («исключая несколько коротких надписей на кувшинах, пряслицах и т.п., которые филологически неважны»): «Эти тексты были приготовлены менее образованными авторами, чем орхонские надписи, и некоторые из них выглядят достаточно неграмотными или откровенно невразумительными. Каменотесы, которые их вырезали, были менее умелыми и буквы имеют неловкую форму и уродливы»²⁸. А.М. Щербак пишет о надписях Алтая: «Здесь мы имеем дело с руническим письмом Южной Сибири на «затухающей» стадии его существования. Находки надписей с рунами или рунообразными знаками на Алтае многочисленны, количество их достигло шестидесяти, и все же говорить о практическом использовании руники в этом регионе было бы излишней смелостью. Абсолютное большинство надписей — ограниченных размеров с произвольным расположением и небрежно вырезанными знаками, что иногда затрудняет их идентификацию. Нет ни одной надписи, которая заключала бы в себе связный и более или менее законченный по содержанию текст»²⁹.

Такое мнение формируется по двум причинам, в равной мере порожденным отстраненностью филологического анализа от подлинников камнеписных текстов. Во-первых, в результате незнания филологами обрядовых особенностей населения ранне-средневековой Сибири, в отличие от тюрков и уйгуров Монголии считавшего вечными — *beḡḡ ta...* — только древние камни и оттого использовавшего для своих надгробных надписей иссеченные ветрами веков менгиры или скульптуры энеолита и раннего железного века. Ни один камень для енисейской эпитафии не был добыт в средневековых каменоломнях и его поверхности не были специально обработаны для письма. Другой древний обычай требовал от саяно-алтайцев нанесения кратких письменных отметок в местах производившихся у открытых скал молений сначала «языческим», а затем и манихейским божествам. Эти моления не были коллективными, носили интимный характер,

---

²⁸ Clauson sir G. *Turkish and Mongolian Studies*. — London., 1962. — P. 68, 69.

²⁹ *Щербак А.М.* Тюркская руника. Происхождение древнейшей письменности тюрков, границы ее распространения и особенности использования. — СПб., 2001. — С. 21, 22.

надписи не предназначались для чужих глаз. Во-вторых, указанная убежденность языковедов есть следствие кабинетной работы с недоброкачественными копиями и публикациями текстов, выполненными людьми без должной эпиграфической подготовки, и может быть развеяна только необходимым добротным изданием свода кратких рунических надписей.

При учете сказанного, закономерно, что именно в эпиграфике была впервые произведена систематизация рунических надписей по содержанию. Этим были очерчены допустимые пределы смысла тех или иных групп письменных памятников, что, в свою очередь, заметно облегчило понимание и прочтение кратких текстов, оставленных на стелах, предметах и скалах³⁰.

Эпиграфика — наука историко-филологическая. В ней, как мы видим, совершенно необходимо сочетать навыки археолога (и, шире говоря, историка культуры), основы филологических знаний, без которых немислимо прочтение текста, а также ясные и детальные представления в области местной истории. В последнее десятилетие стало особенно ясно: без знания истории общества и без умения определить этнокультурную и государственную принадлежность древнего памятника нельзя достичь успеха в его прочтении и филологическом анализе.

3. Палеографические основы рунологии

К концу XX в. стало совершенно очевидно и то, что *палеография* рунических памятников — область занятий не филологов, а все тех же эпиграфистов.

Справедливость этих слов доказывается результатами эпиграфической проверки давнего и основополагающего утверждения филологической литературы в отношении палеографии рунических надписей и рунических знаков. Из работы в работу переходила мысль о том, что они были некогда изобретены специально для резьбы и высекания. Казалось бы, здесь все верно: подавляющее большинство известных рунических надписей, действительно, нанесены на камни, скалы и металлические изделия. Однако этот миф науки был развенчан эпиграфическим анализом³¹.

Выяснилось, что и выбитые, и резные надписи часто содержат элементы скорописных написаний, т.е. их создатели в быту

---

³⁰ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 180—203.

³¹ Там же. — С. 143—158.

привыкли пользоваться обычными писчими красителями (чернилами или тушью), мягкими и гладкими писчими материалами (пергаменом, бумагой или табличкой), по которым свободно скользило тростниковое перо или кисточка. Эти их писания не уцелели, а камнеписные строки, которые они создавали по требованию местных обрядов, сохранились до наших дней. Впрочем, в Хакасии и Монголии кое-где на скалах отыскивались и рунические надписи, нанесенные черной и красной тушью, а в древнехакасских курганах IX–XII вв. (Тюхтятской и Аскизской) встречены маленькие перочинные ножички и чернильница — обыденные принадлежности писарей³².

Непредвзятый разбор эпиграфиста показал, что среди рунических знаков, составлявших как енисейский, так и орхонский алфавиты, много таких, чей облик никак не подходит к технике резьбы и мог сложиться только в условиях обычного скользящего написания. Руническая азбука изначально не предназначалась для начертания и вырезания.

Другое существеннейшее обстоятельство, вводимое в рунологию палеографией конца XX в., касается самих рунических алфавитов. Языковеды-тюркологи по традиции излишне обобщенно воспринимают весь, теперь уже крупный, массив азиатских рунических надписей. Однако филологи не могли и не смогут получить ясной лингвистической картины прошлого без точного следования палеографическому членению этих письмен.

Без учета сего важнейшего обстоятельства невозможно разработка истории рунического письма, неразрешима и проблема его происхождения. Вышедшая в свет в 2001 г. книга крупнейшего тюрколога России А.М. Щербака, фактически подводящая итоги научным поискам, проводившимся в XIX и XX вв. при традиционном подходе к проблеме, одновременно с предельно возможной ясностью показала, какие узлы накладывает этот метод даже на самые светлые и эрудированные умы. Признать руническую письменность тюркских народов тайнописью, лишь деградировавшей со временем, как это сделал поистине почтенный ученый, — значит, отказаться от постижения ее истинной первоначальной природы и уйти от объяснения непонятных ныне особенностей.

---

³² *Кызласов И.Л.* Калям на Енисее. Чернильная руническая надпись из Хакасии // Татарская археология, 1998. — №2; Он же. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. — 1999. — №4. — С. 107, рис. 1, 3, 4.

В свое время В. Томсен, закончив дешифровку орхонских рун, жалел о том, что он — не В.В. Радлов, который был крупнейшим знатоком не только живых тюркских языков, но и всего многообразия енисейских рунических памятников. Ограничивать сегодня решение главных рунологических проблем анализом лишь орхонских «царских» надписей, оставляя в стороне целый мир енисейских текстов, можно лишь не до конца ощутив всех тех источниковедческих ограничений, о которых печалился на заре нашей науки В. Томсен.

Палеография изучает не одно лишь видоизменение со временем буквенных знаков, как иногда полагают. Она занимается и происхождением письмен, и определением и изменением их состава, и распространением в пространстве и по эпохам, исследованием материалов и орудий письма, письменных школ, письменной культуры общества в целом. И во всех этих областях руническая палеография к концу XX в. достигла особенно серьезных результатов.

В 1895 г. в результате систематизации письменных знаков В.В. Радлов показал, что в раннем Средневековье существовало два родственных, но самостоятельных рунических алфавита — енисейский и орхонский. В XX в. к ним сначала добавился третий (таласский — 1929 г., С. Е. Малов), а затем, в результате классификации написаний всей Евразии, было обосновано бытование 7–8 отдельных рунических азбук³³. Три из них, — енисейская, орхонская и таласская, — происходят от одного корня (их можно именовать азиатскими), а 4–5 других (применявшиеся в Восточной Европе, Средней Азии и Сибири и потому именуемые евроазиатскими) — имели совершенно другие истоки³⁴. Взгляд на европейские и среднеазиатские рунические алфавиты как на одну из ранних локальных стадий формирования орхоно-енисейского письма оказался лишен оснований. Отныне прошлому науке принадлежит и само утверждение о былом существовании единой орхоно-енисейской письменности.

Две самостоятельные области сложения и развития ранних степных рунических письменностей Евразии указывают на древнее

---

³³ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 8–104.

³⁴ Совершенно обособленно стоит алфавит тисской рунической письменности VIII–XI вв., известный по надписям Венгрии: сарвашского игольника и сосудам надьсентмиклошского клада. Тюркоязычность этих письмен еще предстоит доказать.

разделение тюркских народов на *два культурно самостоятельных мира*. Их истоки и историю науке предстоит отыскать. За самобытными письменными традициями кроются как явные духовные отличия, так и своеобразие существовавших государств. Стойкие алфавитные различия указывают на древнее культурно-политическое самосознание отдельных тюркских народов.

Строгое разграничение енисейского и орхонского алфавитов имеет значение не для одной рунической палеографии, но и позволяет востоковедам особенно ясно понять, что Южная Сибирь и Монголия были разделены на *два культурных мира* — орхонский и енисейский. Составление академических сводов, группирующих надписи не по районам обнаружения, а по алфавитной принадлежности (и внутри каждой расчленяющих их по вариантам, изводам письма), создаст новые условия для филологического и исторического постижения раннесредневековых культурных реалий Южной Сибири и Монголии. В этом заключена одна из важных рунологических задач наступившего XXI в. Дело за изложением основ двух родственных рунологических дисциплин: *енисейской палеографии* и *орхонской палеографии*, размещаемых соответственно в рамках енисейской и орхонской эпиграфики.

Пристальный палеографический взгляд на интересующие нас енисейские надписи выявил три местные особенности письма: собственно енисейское, его тувинский и алтайский варианты³⁵. Сегодня возможно, даже без прочтения самого текста, по одному облику составляющих его букв, сразу определить, кто был автором надписи — средневековый, условно говоря, «алтаец», «тувинец» или «хакас».

Для филолога, объединившего тексты с такими особенностями, впервые создаются условия сквозь письмена отыскать особенности отдельных языков раннесредневековых народов — алтайских тюрков, тувинских чиков, древних хакасов. Отметим, что эти речевые особенности уже намечаются³⁶. Тем самым формируются возможности прояснить историю современных национальных языков тюркской семьи Саяно-Алтая и других стран.

---

³⁵ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М. 1994. — С. 79–98.

³⁶ *Кызласов И.Л.* Местные речевые особенности енисейских надписей // Дешт-и Кипчак и Золотая Орда в становлении культуры евразийских народов. — М., 2003; Он же. Отличительные особенности рунической письменности Тувинской котловины // Письменное наследие тюрков. — Кызыл, 2003.

Для историка такое определение проясняет живую картину движения образованных людей: начертания позволили, например, узнать о пребывании в IX–X вв. средневековых хакасов в Туве, в Монголии и Восточном Туркестане, о проживании в то же время алтайских тюрков, не только на Горном Алтае, но и в Северо-Западной Монголии и т.п. Благодаря постижению внешних особенностей другого, орхонского алфавита, эпиграфические данные стали недавно доказательствами пребывания в 60-х гг. VIII в. древних уйгуров в Хакасии и на Горном Алтае³⁷. Ни одной орхонской надписи, составленной собственно тюрками (создателями Второго Восточнотюркского каганата, существовавшего с конца VII до середины VIII в.), в пределах Южной Сибири сегодня неизвестно.

Внимание к палеографическим особенностям позволило установить не этническую, а государственную принадлежность как енисейского, так и орхонского письма. Первым официально пользовалось только Древнехакасское государство и зависимые от него земли, вторым — только Второй Восточнотюркский и Уйгурский каганаты и некоторые их наследники. Расширяя эти наблюдения, можно думать, что таласская письменность применялась в государстве карлуков, а четвертое руническое (верхнеенисейское) письмо, сохранявшееся чиками и черты которого замечены наукой совсем недавно, осталось в Тувинской котловине от какой-то более ранней державы³⁸.

Так или иначе, но достаточно хорошо разбираться в формах рунических знаков, чтобы при внимательном взгляде на любую надпись, не читая ее, установить, к какому раннесредневековому государству принадлежал оставивший ее грамотей.

Эти сформированные в енисейской и орхонской эпиграфике положения ныне могут быть распространены и на кубанскую руническую письменность тюркоязычных болгар, с конца VIII — начала IX вв. по рубеж XI–XII вв. применявшейся в Хазарском каганате и Волжской Булгарии. Она была распространена от Северного Кавказа и Подонья до Прикамья. Уже к началу IX в. это письмо имело официальный статус, поскольку известны

---

³⁷ Кызласов Л.Р. Памятники орхонского письма из Хакасии и Горного Алтая // Вестник Московского университета. — Серия 8. История. — 1997. — №1.

³⁸ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 208–235.

две эмиссии серебряных монет с чеканкой двойной легенды: кубанским руническим и арабским письмом. Особенно показательно сохранение такого положения кубанского алфавита еще в XI—XII вв. (вероятно, вплоть до монголо-татарского нашествия), т.е. более чем столетие спустя после принятия этой европейской страной мусульманства и арабской письменности. Важнейшими аргументами в пользу сказанного служит использование кубанского рунического письма в крупнейших волжско-болгарских городах (таких, как Биляр)³⁹.

Другая возможность постижения письменных памятников, замеченная эпиграфистом в конце XX в., — это строгое соблюдение направления письма и размещения личных тамговых знаков на памятных надписях. Классические эпитафии, выполненные енисейскими руническими знаками, обязательно имеют тамгу внизу, у основания камня и строки скорбного текста всегда направлены снизу вверх. Противоположно размещение тамг и строк на орхонских стелах: тамга изображена у вершины камня и ряды букв направлены сверху вниз. Вновь перед нами государственные правила оформления официальных надписей. Писаным камням внутри страны придавался тот или иной вид, *незвирая на этничность умершего*. Первый канон применялся в Древнехакасском государстве, второй — во Втором Восточно-тюркском и Уйгурском каганатах. Иные общества, не обозначившие тамги на поминальных стелах, втягиваясь в зону распространения той или иной письменной культуры, воспринимали принятое в ней направление высекаемых на камнях строк. Так, на Алтае и в Туве известны эпитафии, созданные местным князьям и начертанные снизу вверх — по енисейскому канону, древнехакасскому в своей основе⁴⁰.

Таким образом, исследователю достаточно уяснить размещение тамг и текстов, чтобы до прочтения самой надписи безошибочно определить в канонах какой страны создан любой встреченный им эпитафийный памятник.

И вновь чики Верхнего Енисея оказываются в этом отношении народом с особыми правилами. До подчинения кыргызам Древне-

---

³⁹ *Кызласов И.Л.* Руническая эпиграфика волжских болгар. I. Кубанские надписи на двух сосудах // Татарская археология. — 2000. — №1–2. — С. 5, 13; Gübl R., Rona-Taş A. Die Inschriften des Schatzes von Nagy-Szentmiklos. Eine paläographische Dokumentation. Wien. — 1995. P. 48–49. taf. XIV–XVIII.

⁴⁰ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 182, 183, 230, 231.

хакасского государства на их надгробных стелах (Уюк-Аржан, Е2 и Эль-Бажи, Е 68/1) строки писались ни вверх, ни вниз, а поперек камня. И тамга ставилась ниже горизонтальных строк.

Внимание к этим эпиграфическим особенностям чикских эпитафий (впервые выделенным Л. Р. Кызласовым в 1960 г. по своеобразным чертам погребального обряда и формам тамговых знаков, а в 1994 г. увязанных нами с применением особых рунических букв) в 1998 г. привело к одному из важнейших открытий в рунологии XX в. Оказалось, что горизонтально размещенные на камне строки писались не от верхней к нижней, как читалось всеми тюркологами в силу общей привычки, а от нижней к верхней⁴¹. Вслед за этим уже не сложно было заметить, что и половина енисейских надмогильных текстов (если расположить их строки горизонтально) читаются тем же странным для нас образом. Строки всех орхонских памятных надписей, кроме одной стелы Тоньюкука, также оказались нанесены подобной восходящей лесенкой. В свое время, после дешифровки рун, у В.В. Радлова и В. Томсена при осмыслении надписи в честь Кюль-тегина вышел спор о таком порядке прочтения, но ему не придали указанного значения.

Как же объяснить это впервые замеченное необычное явление? По нашему мнению, доступные ныне материалы содержат две подсказки для разгадки. Во-первых, написание текста от нижней строки к высшей свойственно только эпитафиям. Такое расположение строк текста не встречается среди других видов памятников енисейского или орхонского письма: многострочные наскальные надписи или рукописи на бумаге читаются вполне обычным образом. Историкам культуры хорошо известно, что погребальная и поминальная практика — наиболее сакрализованная и потому самая устойчивая, консервативная область обрядовой жизни человечества. В ней всегда сохраняются древнейшие черты и действия, первоначальный смысл которых уже не понятен или иначе воспринимается людьми. Следовательно, письмо восходящей лесенкой — очень архаичная черта рунических памятников, уже к VIII в. изжитая в иных сферах письменной культуры предков, и ее объяснение следует искать в гораздо более ранних эпохах.

Во-вторых, способ размещения текста восходящей лесенкой оказался единым для всех алфавитов азиатской рунической

---

⁴¹ *Кызласов И.Л.* Материалы к ранней истории тюрков. Древнейшие свидетельства о письменности. II и III // *Российская археология*. — 1998. — №2. — С. 68–74.

письменности — и енисейского (с его тувинским вариантом, сохранившим следы древней верхнеенисейской азбуки), и орхонского. Следовательно, *эта манера письма* составляет их общее наследие: она отличала *ранний общий алфавит, послуживший основой формирования и енисейских, и орхонских письмен.*

Оба рода наблюдений приводят нас к одному выводу: эпитафийные рунические памятники Южной Сибири и Монголии — не самые древние памятники рунического письма. Они сохранили более древний тип размещения текстов (восходящей лесенкой), с которым был связан их общий предок — сама неведомая нам сегодня проторуническая письменность Азии⁴².

Наука пока не знает текстов, выполненных этим древнейшим письмом, но свидетельства его существования нам отныне известны.

Проблему происхождения рунической письменности больше нельзя уже решать, анализируя только формы самих составляющих ее буквенных знаков. Ученый, который отыщет страну древнего мира, знавшую письмо от нижней строки к верхней, этим укажет нам и на район формирования проторунического письма.

Уйдя в столь загадочные глубины истории культуры, позволим себе лишь в виде краткого отступления заметить здесь, что установленное написание эпитафийных текстов от нижней строки к верхней в очень большой степени, естественно, меняет прочтение, контекст и конкретный смысл этих надписей, предложенные филологами, всегда читавшими их в привычном нам порядке, обратном реальному древнему написанию.

Руническая палеография, занимаясь рассмотрением облика памятников енисейской письменности, обратила внимание и на другие внешние особенности стел с надписями. Выяснилось, что размещение текста на камне воспроизводит тот черновик, которым пользовался каменотес, высекая или вырезая эпитафийную надпись. Во всех прослеженных случаях такие черновики-протографы оказались нанесены на деревянные стержни, планки или таблички⁴³.

Классические енисейские стелы, выполненные по древнехакасскому канону, никогда не бывают исписанными с одной стороны: текст, даже очень краткий, всегда занимает две, три

---

⁴² Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. Древнейшие свидетельства о письменности. II и III // Российская археология. — 1998. — №2. — С. 74.

⁴³ Там же. — С. 74–83.

или все четыре грани камня. Протографами этих эпитафий служили надписи, нанесенные писцами на четырехгранные деревянные стержни. Енисейские же эпитафии Чикского канона занимают только одну сторону камня, даже если количество их строк превышает два десятка — черновик текста в этом случае писался на одной поверхности связанных шнурами деревянных планок, сворачивавшихся как маленькая циновка.

Так были умозрительно восстановлены неизвестные нам в реальных археологических находках, шесть возможных форм древнейших письменных документов и книг тюркских народов. Они оказались очень архаичными и, судя по всему, их глубоко реликтовые формы вновь использовались столь долго только в культовых целях — для написания образцов сакральных поминальных текстов, затем воплощавшихся в камень. Записи иного назначения велись на бумаге, пергамене и прочих обычных для Средневековья писчих материалах.

Среди форм реликтовых письменных документов, словно отпечатавшихся на каменных стелах, обнаружили и те, которые были связаны с заинтересовавшим нас письмом восходящей лесенкой. Очень вероятно, что манера такого размещения текста возникла при письме на узкой деревянной дощечке, вмещавшей только одну строчку букв. Затем эти дощечки нанизывались на шнурки или ремешки, и первая оказывалась нижней, вторая ложилась выше нее и т.п. Подобные составные документы известны в истории письменности. Это архивы учетных записей древних храмовых хозяйств, существовавших на Востоке в бронзовом веке.

Настало время вспомнить о двух упомянутых клочках бумаги, найденных в долине речки Тойок в начале XX в. и содержащих записи рунических алфавитов. Первый фрагмент, изданный А. фон Лekoком⁴⁴, привлек внимание тем, что под каждым руническим знаком было иным, манихейским сирийским письмом, подписано название или звуковое значение буквы. Манускрипт главным образом использовался филологами для подтверждения правильности прочтения тех или иных рун. Второй фрагмент был впервые издан в 1961 г.⁴⁵ Он содержит три учебных

---

⁴⁴ Le Coq v.A. Köktürkisches aus Turfan // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Phil.-hist. Klasse, Bd. 41, Berlin, — 1909. S. 1048—1052, taf. IX.

⁴⁵ Akira Haneda, Nobuo Yamada, A List of the Manuscript Remains in Uigur Script Preserved in Ryukoku Library // Monumenta Serindica. Vol. 4. — Kyoto, 1961.

попытки записать рунический алфавит. В 1990 г. сравнение двух фрагментов показало существование строгого порядка в расположении знаков в азбучном ряду рун⁴⁶. Этого и следовало ожидать, поскольку нет письменностей, не имеющих устойчивого размещения составляющих их знаков в алфавитном ряду.

Мимо внимания филолога, однако, прошло другое обстоятельство, превращающее находку двух этих рукописных фрагментов в нерядовое событие рунологии. Дело в том, что благодаря им наука впервые получила возможность увидеть руническую азбуку не в том виде, какой сегодня реконструируем ее мы по сохранившимся текстам, а такой, какой ее знали сами писцы Средневековья. Различия кардинальные⁴⁷.

В истинной рунической азбуке существовал во всем самобытный порядок размещения знаков, ничем не похожий на тот, который невольно создаем мы, приравнивая руны к нашему алфавиту. Более того, запечатленный в рукописях порядок не похож на систему записи букв ни одной из известных письменностей мира. Этот факт означает, что руническое письмо не было перенято ни от одной из известных сегодня систем письма. Ибо при заимствовании в новой азбуке обязательно сохраняется порядок букв алфавита-предшественника. Даже если при этом число букв меняется и вводятся новые. Сравним: а, б, в, г...; а, в, с [g, k]...; α, β, γ... и т.д.

Рукописные рунические азбуки *кладут конец гипотезам* о происхождении ранней письменности тюркских народов от сознательно переделанного согдийского или иного письма арамейского корня еще и потому, что в обоих тойокских манускриптах зафиксирован и совершенно нигде более не встречаемый способ группировки букв по две, отделяя их особыми словоразделительными отметками.

В последнее десятилетие XIX в. В. Томсен и В.В. Радлов сумели разгадать тайну рунического письма, не пойдя, как все их предшественники, путем подбора внешних соответствий составляющим его знакам, а постигая изнутри особенности построения его текстов. Ровно сто лет спустя, в последнее

---

⁴⁶ Sertkaya O.F. Kağıda yazılı Göktürk metinleri ve kağıda yazılı Göktürk alfabeleri // Türk Dili Araştırmaları Yıllığı. Belleten, 1990. Ankara.

⁴⁷ Кызласов И.Л. Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 105—142; Он же. Материалы к ранней истории тюрков. II и III. Древнейшие свидетельства о письменности // Российская археология. — 1998. — №1. — С. 75—81.

десятилетие XX в., палеография впервые получила подобную возможность не со стороны, а изнутри изучить строй рунической азбуки предков. Два важнейших отличия от принятых наукой установок, немедленно выяснившихся при этом, уже названы нами.

Следующая непредвиденная черта — значительно большее, чем считалось, число самих составляющих алфавит знаков: около 48 вместо 38. Среди них оказались буквы, весьма редко встречаемые в текстах, т.е. уже фактически вышедшие из употребления к VIII в. Иными словами, подлинная руническая азбука, ставшая известной благодаря двум раннесредневековым рукописным фрагментам, содержит в себе важнейшие сведения по собственной истории и происхождению. Наиболее вероятно западноазиатская природа этого письма.

Уже первый анализ этих данных показал, что древнетюркским азиатским рунам напрасно отказывали в длительном развитии: в азбуке отразилось несколько этапов эволюции этой системы письма. Наиболее ранним из них была стадия слоговой (силлабической), а не алфавитной записи речи, которая оказалась пройденной в Западной Азии уже в бронзовом веке. Удалось не только выявить ряд знаков, свойственных проторунической слоговой письменности, но и показать, что ее развитие плавно вело к победе алфавитного принципа письма: число применявшихся слоговых знаков постепенно сокращалось. Явные следы этого до конца так и не завершившегося процесса различимы в известных сегодня самых поздних памятниках этой письменности — енисейских и орхонских надписях Южной Сибири и Монголии.

Изложенного достаточно, чтобы понять умозрительность иных, никак не связанных с истинным азбучным строем подходов к происхождению и построению рунического письма, якобы, талантливо изобретенного одним человеком или группой людей и затем видоизменявшегося (деградировавшего) из-за введения новых (ювенильных) рун в том или ином районе своего распространения. Не случайно филологами было введено понятие *избыточных* рунических знаков⁴⁸: реальное дублирование одной руной звукового значения другой буквы невозможно понять без признания былой слоговой природы этой письменной системы.

---

⁴⁸ *Аманжолов А.С.* Материалы и исследования по истории древнетюркской письменности. Автореф. докт. дис. — Алма-Ата, 1975. — С. 9.

Следует особо сказать, что орхонская письменность Второго Восточнотюркского каганата — самая молодая из зафиксированных рунологической наукой. Скорее всего, она была получена при реформировании того предшествующего письма, которое предложено именовать верхнеенисейским и которое сохранялось долее других в обществе чиков Тувинской котловины. Древне-хакасская енисейская письменность также архаичнее орхонской. Официальное использование орхонского письма было сознательным и порождено, можно думать, политическими причинами. Оно было введено уже к 30-м гг. VIII в. (возможно, в правление Капаган-кагана или его сына Бильге-кагана), в период наибольшего расцвета государства, ради размежевания не только с Китаем (и его иероглификой) и Древнехакасским государством (писавшим на енисейском алфавите⁴⁹), но и с западнотюркскими каганатами Средней Азии, продолжавшими, вслед за установлениями Первого Тюркского каганата VI в., еще и в VIII–IX и в X вв. официальное использование согдийской письменности и языка⁴⁹. Неслучайно, явно возводя свою державность к восточнотюркской, Уйгурский каганат до самого своего падения в 840 г. сохранял государственность орхонского письма.

Изучение строя рунической азбуки, данной нам в раннесредневековых записях Восточного Туркестана, — одно из тех перспективных направлений, которым последует рунология недавнего начавшегося века.

Однако уже сегодня нельзя не заметить, что полученные в двух сферах новой рунической палеографии данные хорошо отвечают друг другу. Возводимый еще к бронзовому веку строй алфавита дополняется редчайшим в истории культуры, но общеруническим способом размещения строк от нижней к верхней, также возникшим, насколько судить, в эпоху бронзы.

Позволим себе предположить, что проторуническая письменность сложилась в Западной Азии не позднее XI–X вв. до н.э. и по типу не принадлежала к тем египетско-семитским силлабариям, которым было суждено стать магистральным направлением развития письма человечества. Правостороннее письмо, особенности передачи губных гласных и стечения двух согласных, как и необъяснимая на тюркской почве парность соединения букв в

---

⁴⁹ *Кызласов И.Л.* Рунические письменности евразийских степей. — М., 1994. — С. 223.

азбуке, заставляют думать, что руны когда-то зародились не в тюркоязычной, а в семитоязычной культурной среде.

Сегодня нельзя сказать, на каком этапе существования рунической письменности, где, когда и каким тюркоязычным народом она была заимствована. Но, судя по всему, это произошло без особых изменений строя письма. Нам до сих пор неизвестны памятники этой древней письменности, кроме поздних ее проявлений — тюркоязычных надписей, начиная с VIII в. Не случись этого заимствования, не расцвела на Саяно-Алтае и в Монголии раннесредневековой цивилизации тюркоязычных народов, не существуй в ней эпитафийного, и, шире говоря, камнеписного обряда и, вполне вероятно, руническая система письма, самобытно долгими веками развивавшаяся в стороне от основного направления истории письменности, ушла бы в небытие незамеченной наукой..

Никто не знает, сколько письменных систем древности, применявшихся для записей на недолговечных материалах, постигла такая участь. Недаром современная наука не в силах осмыслить множество единичных эпиграфических находок, загадочность прочтения которых заключена в их непохожести на другие известные письмена.

4. Историко-культурные основы рунологии и орфографии как предмета рунологии

Вполне понятно, что из рук эпиграфиста детально изученный и ставший достоверным рунический текст попадает в руки не только филолога, но и историка. Сегодня не стоит говорить о тех многочисленных, ранее неведомых исторических фактах, которые почерпнули специалисты из нового для них источника — тюркоязычных надписей Азии, читаемых уже более столетия. Не надо быть экспертом-востоковедом, чтобы понять, насколько обогатила науку возможность воспринимать средневековые общества Южной Сибири и Монголии изнутри, по их собственным уцелевшим свидетельствам, а не со стороны, следуя за летописями соседних или весьма далеких от Саяно-Алтая народов. Отметим лишь главное, изменившее основы научного знания.

С расшифровкой рунических надписей завершающийся XIX в. принес в европейскую науку осознание того, что тюркские народы в раннем Средневековье обладали письменной культурой. Тем самым были отвергнуты представления о неразвитости и отсталости тюркоязычных обществ столь далекой поры. Правда, такие взгляды нередко проявляются в исторической литературе

и поныне, но, уже по одному этому ясно, — лишь у малосведущих авторов, отставших от серьезной науки, как видим, на целое столетие.

Отметим и другое. В новом для себя знании о культуре ранних тюркских народов Европа XIX в. лишь вернулась на уровень, занимаемый образованным западным обществом за тысячелетие до этого. Напомню, что согласно житию, борясь за признание церковниками изобретенной для славян письменности, братья Кирилл и Мефодий в 863 г. опирались на известный им факт существования письмен у тюркских народов: тюрков и хазар (а также авар, тюркоязычность которых пока не доказана)⁵⁰.

Открытие ранней письменной культуры между тем наложило на неизжитый в науке шаблон восприятия тюркских народов как исконных кочевников. В XX в. для определения уровня этой письменной культуры в тюркологии широко распространилось высказывание С.Е. Малова о бродячих грамотеях (примененное совсем по другому поводу — при обсуждении графических различий надписей)⁵¹. Близкие позиции занимал и Дж. Клоусон, писавший в 1962 г. по поводу происходящей из Тувы стелы Хемчик-Чиргакы (E41): «Или каменщик, который резал надпись, был настолько некомпетентен, что не мог правильно скопировать рукопись, которая была ему дадена, или человек, делавший черновик, был мошенником, который посетил племенных вождей и начертил то, что должно было обозначать погребальные написания и чего они сами, не будучи способными читать, не восприняли как простое скопление бесформенных и бессмысленных букв»⁵².

Вопреки всему этому, вопрос о квалификации писцов и камнерезов, создавших енисейские надписи, также был совершенно иначе разрешен к концу XX столетия енисейской эпиграфикой. Прослеженные следы орудий, применявшихся для нанесения букв на стелы, свидетельствуют о том, что тексты высекали и вырезали мастера-профессионалы, каждый из которых обладал набором специальных инструментов. Они не обрабатывали поверхность камней не по неумению, а, как уже отмечалось, в соответствии с особенностями местного мировоззрения и ритуала: облик извечного камня изменять не полагалось.

---

⁵⁰ Сказания. Сказания о начале славянской письменности. — М., 1981. — С. 88, 89.

⁵¹ Малов С.Е. Енисейская письменность тюрков. — М.-Л. — 1952. — С.7.

⁵² Clauson sir G., *Turkish and Mongolian Studies*. — London, 1962. — P.72.

Высокообразованными людьми были и писцы, составлявшие тексты эпитафий. Среди наскальных надписей Алтая был выявлен и обнаружен краткий текст, содержащий кредо настоящей интеллигенции, видящей свое предназначение в образованности и книжности (надпись Ялбак–Таш II/XV)⁵³. При привлечении иных данных, содержащихся в рунических надписях, было окончательно доказано существование в обществе тюркоязычных народов Азии уже к VIII в. особого профессионального сословия, живущего умственным трудом и обладавшего корпоративным самосознанием и этикой. Формула, избранная на берегах Чуи в IX–X в. для выражения этого общественного статуса («Я написал пятью [пальцами], [на то] предназначенными»), сохранила давний профессиональный канон писцов Древнего Востока, отмеченный еще в папирусах начала и середины II тысячелетия до н.э.

У этого историко–культурного открытия есть и вполне ясные методические последствия, затрагивающие тюркскую филологию. Лингвистам теперь нельзя объяснять трудности в предлагаемых ими прочтениях неграмотностью писавших. Следует искать пробелы в *собственных знаниях* о древних рунических текстах.

Это не означает, что в надписях не встречается отклонений от достаточно строгих норм грамотного письма рунами. Былое существование орфографических правил не вызывает сомнений. Однако енисейская эпиграфика показала, что даже тогда, когда есть формальные основания видеть в написании слов ошибки, дело обстоит не так просто. Оказалось, что в целом эти ошибки указывают не просто на плохое усвоение рунического правописания, а на определенные предшествующие знания обучавшихся. Эти знания мешали им овладеть нормами рунического письма в полной мере.

Систематизация разновидностей написания слов выявила существование в енисейских рунических надписях трех типов орфографии⁵⁴. Первый тип — *классическое руническое правописа-*

---

⁵³ Кызласов И.Л. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // Российская археология. — 1999. — №4. — 108–115.

⁵⁴ Кызласов И.Л. Три типа древнетюркской рунической орфографии // 90 лет Н.А. Баскакову. — М., 1996; Он же. Разновидности древнетюркской рунической орфографии. Отражение манихейской письменной культуры в памятниках енисейского и орхонского письма // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. — Budapest, 1997; Он же. Орфографические признаки манихейских рунических надписей // Вопросы тюркской филологии. Вып. IV — М., 1999.

ние — отличает большинство надписей Саяно-Алтайского нагорья и целиком отвечает построению рунического письма. Второй, названный *полногласной орфографией*, узнается по обозначению всех негубных узких гласных в слове, чего не требует руническое письмо само по себе. Третий, наиболее редкий, назван *псевдорунической орфографией*, поскольку не соблюдает главного правила рунического письма — различия букв для согласных в мягких и твердых слогах.

Природа и второго, и третьего типов написания коренится в одном явлении: к изучению рунического письма приступали люди уже грамотные, умевшие писать какой-то иной, нерунической письменностью. Они невольно приносили в руническое письмо те посторонние для него правила, которые накрепко усвоили при получении первого своего образования.

Для возникновения полногласного написания удалось найти точную первопричину — это орфография сирийского манихейского письма, распространявшегося в Азии вместе с проникновением манихейской религии. Выдвинутая при исследовании енисейских надписей гипотеза подтвердилась при изучении рукописей орхонского письма, найденных в Восточном Туркестане в руинах манихейских поселений. Их рунические тексты также выполнены в традиции полногласной орфографии. Нельзя пока точно указать, начальные знания какого письма привели к появлению рунических надписей третьего орфографического типа. Но вполне очевидно, что оно имело алфавитное построение. Неслучайно такого же рода ошибки в рунических написаниях делает сегодня интеллигенция коренных народов Саяно-Алтая, когда от привычной с детства кириллицы обращается к письму предков для придания национального колорита оформлению газет, афиш, телевизионных заставок или иного.

Так, самым неожиданным образом, исследование ошибок в рунических надписях показало не столько неграмотность предков, сколько их *многограмотность* — владение одним человеком несколькими системами различного письма, из которых руническое изучалось им не в первую очередь.

Дублирование рунической азбуки манихейскими буквами, отмеченное упоминавшейся рукописью из долины Тойока, прямо указывает на изучение рунического письма манихеями. Это делалось миссионерами для распространения новой веры среди тюркских народов и указывает на давнее к середине VIII в. укоренение рунической письменности в местном обществе. После обнаружения и раскопок Л.Р. Кызласовым в Хакасии серии

храмов VIII–XII вв. и объяснения их планов (через описанную средневековыми арабскими авторами манихейскую архитектурную символику) стало очевидно, что Древнехакасское государство уже в VIII в. стало в Сибири центром этой религии⁵⁵. Вслед за этим в Хакасии, Туве и на Алтае удалось выделить 42 енисейских надписи манихейского содержания⁵⁶, в том числе 38 молитвенных наскальных и 4 эпитафийных. В одной из них, поставленной в степях Монголии, близ Суджи (Е 47), употребление манихейского термина отмечалось еще В. Томсенем⁵⁷. Ныне число опознанных на Саяно–Алтае рунических манихейских религиозных надписей стало нарастать и по их скоплениям определились места нахождения монастырей в долинах Алтая⁵⁸.

Ныне принятие манихейства в Южной Сибири надежно доказывают следующие данные. Во-первых, это раскопанные в Хакасии манихейские храмы второй трети VIII — конца XII вв. Во-вторых, признанный факт применения из мировых религий лишь манихейством местного рунического письма. В-третьих, выявленные енисейские надписи манихейского содержания. В-четвертых, обнаружение в рунических памятниках Саяно–Алтайского нагорья новых правил орфографии, привнесенных из манихейского правописания.

Установление манихейства в качестве официальной религии Древнехакасского государства — крупнейшей и исторически наиболее стойкой державы, в течение нескольких столетий объединявшей предков многих сибирских народов, — произвело в 60–е гг. VIII в. целую культурную революцию. Достаточно сказать,

---

⁵⁵ См.: *Кызласов И.Л.* Калям на Енисее. Чернильная руническая надпись из Хакасии // *Татарская археология*, 1998. — №2; Он же. Материалы к ранней истории тюрков. IV. Образованность в эпоху рунического письма // *Российская археология*. — 1999. — №4. Он же. Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. — М., 2001.

⁵⁶ *Кызласов И.Л.* Смена мировоззрения в Южной Сибири в раннем средневековье (Идеи единобожия в енисейских надписях) // *Древние цивилизации Евразии. История и культура*. — М., 2001.

⁵⁷ Ramstedt G.J. Zwei uigurische Runeninschriften in der Nord-Mongolei // *Journal de la Société Finno-Ougrienne*. XXX, 3. — Helsingfors., 1913. — P. 7.

⁵⁸ См.: *Кызласов И.Л.* Новости тюркской рунологии. Вып. I. Енисейские надписи на горе Ялбак-Таш (Горный Алтай). — М., 2003.

что манихейская доктрина, одна из наиболее энциклопедичных мировоззренческих систем Востока, несла с собою культ книги и знаний, требование широкой грамотности населения, использование в культе национальных языков вновь обращенных народов. Возникнувшая в Двуречье в III в. н.э., эта религия вместе с именем своего основателя Мани принесла в Южную Сибирь и написанные им священные книги. Вдумаемся: человек на Абакане или Катуня в каком-нибудь IX в. читал о событиях, происходивших на Евфрате за шесть веков до этого! Или переводил книгу об этом с персидского, согдийского или иного языка на родную речь. Вот какими стали границы образованности предков за 1200 лет до наших дней. И такая насыщенная духовная жизнь продолжалась в Южной Сибири не менее шести столетий.

Принятие манихейства вызвало на Саяно-Алтайском нагорье всплеск местной грамотности. Вот почему енисейских рунических надписей позднее VIII в. нам известно так много, а более ранних — нет.

Однако для раскрытия поставленной нами темы следует, прежде всего, подчеркнуть другое. Осознание культурного расцвета, наступившего с приходом в Южную Сибирь манихейства, кардинальным образом изменяет и еще в большей степени изменит восприятие наукой средневековой истории Саяно-Алтайского нагорья и енисейских рунических надписей.

Рунологии XXI в. предстоит разобраться в том, какие рунические тексты принадлежат к манихейскому периоду местной истории культуры, а какие — к предшествующей, так сказать, языческой стадии развития Южной Сибири. Каждая из этих ступеней имела отличающуюся друг от друга духовную жизнь, и не учитывать этого в исторических и филологических изысканиях отныне невозможно. Следует понять и исследовать те обряды обоих обозначенных этапов, которые требовали применения письма. В отношении доманихейской стадии эти обряды, вероятнее всего, укажут нам на ту мировоззренческую среду, с которой был прямо связан загадочный процесс древнего внедрения и векового сохранения рунической письменности тюркоязычными народами.

Манихейство было распространено от Испании до Китая и насчитывает, по крайней мере, четырнадцать столетий активной жизни. Предстоит понять уникальный исторический феномен: за все это время и во всем обитаемом мире только три государства (тюркоязычные Уйгурский, Древнехакасский и Кимакский каганаты) приняли его в качестве своей официальной идеологии.

Что же отличало народы этих трех стран? Какие особенности их духовной жизни нашли наибольшее соответствие и развитие в манихейской философии? Нам не понять этого без скрупулезного исследования оставленных в наших степях и горах рунических надписей предков.

Перед тюркской рунологией теперь также стоит задача, следуя за оригинальными текстами, определить место сибирского манихейства в общей картине этого мировоззрения. Наука до сих пор различала две основных разновидности: западное и восточное манихейство, во многом окрашенные соответственно христианскими или буддийскими чертами. В енисейских рунических надписях встречаются слова, заимствованные из сирийского, иранского, согдийского языков, из санскрита и китайского. Теперь нам понятно, что источником такого заимствования послужило изучение религиозных и естественнонаучных книг на всех этих языках. Но предстоит узнать, какие идеи и знания — Западной или Восточной Азии — находили наибольший отклик в южносибирском обществе той поры.

Едва ли нам удалось обозначить все главные перспективы, открывающиеся ныне перед специалистами, изучающими рунические тюркоязычные надписи. Направления же научного поиска, которые откроются уже завтра, просто невозможно предугадать.

Но главный итог уже пройденного развития представляется вполне очевидным. На пороге нового века почти трехсотлетнее исследование рунических надписей, воспринимавшееся и существовавшее как часть филологии, переросло в самостоятельную историко-филологическую науку — *тюркскую рунологию*. В применении к азиатским руническим письменам эта наука включает в себя *енисейскую, орхонскую и таласскую эпиграфику*, а также *орхонскую археографию*. Внутри названных дисциплин находятся увязанные с историей отдельных рунических алфавитов *енисейская палеография* и *орхонская палеография*, обобщение данных которых проводится в *тюркской рунической палеографии* — неотъемлемой части тюркской рунологии.

С разработкой этих специальных дисциплин и связано, на наш взгляд, развитие тюркской рунологии в наступившем XXI столетии.

Содержание

Введение	3
Глава 1. Н.Ф. Катанов и российское востоковедение на рубеже XIX — начала XX вв.	
§1. Детство и юношество: Аскиз-Красноярск	10
§2. Санкт-Петербург: учеба на восточном факультете университета и научное путешествие в Сибирь и Восточный Туркестан	23
§3. Университетское востоковедение: финноугроведение и тюркология в Казани (1855—1920-е гг.)	41
§4. Казань: научно-педагогическая и общественная деятельность	71
§5. Общество археологии, истории и этнографии при Казанском университете и Катанов Н.Ф.	96
§6. Феномен культуры Востока в системе историко-культурного знания в Казанском университете (вторая половина XIX — начало XX вв.)	116
Глава 2. Наследие Н.Ф. Катанова: история и культура тюркских народов Евразии	
§7. Изучение этнографии тюркоязычных народов	147
§8. Изучение хакасского фольклора	167
§9. Содержательная и эстетическая специфика жанровых циклов в книге Н.Ф. Катанова «Образцы народной литературы тюркских племен» (1907)	174
§10. Педагогические идеи Н.Ф. Катанова	181
§11. Катановские фонды и коллекции в Казани, Минусинске и Абакане	194
§12. Н.Ф. Катанов и антинаркотическая практика наших дней	218
Глава 3. Российская тюркология на рубеже XX—XXI вв.	
§13. Достижения татарской лингвистики на рубеже XX—XXI вв. (Обзор монографических исследований)	229
§14. Татарско-русские и русско-татарские словари XIX — начала XX вв.	244
§15. Образование татарского литературного языка Нового времени	273
§16. Тюркская рунология на рубеже XX—XXI вв.	297
§17. Об истории хакасского языкознания	329
§18. Актуальные проблемы отечественной исторической тюркологии (XIX—XX вв.)	336